

Социально-антропологическая обусловленность религии

Светлана Карасева,
ведущий научный
сотрудник Института
философии
НАН Беларуси,
кандидат философских
наук, доцент

Религия, которая в самом общем смысле представляет собой стратегию и сферу самореализации человека в предельной, в максимуме – трансцендентной перспективе (*transcendens* – переходящий, выходящий за пределы), является неотъемлемой частью создаваемой человеком социально-культурной реальности. Однако, продуцируя религию, человек не переориентируется на ее цели и предписания раз и навсегда. Прежде всего он остается существом имманентного (*immanens* – свойственный, присущий) мира с его природными и социальными законами. К религии же, сформированной как ответ на экзистенциальный запрос о предельном (трансцендентном) смысле, человек начинает относиться как к сверхпрограмме, реализация которой хоть и необходима, но все же требует серьезной мобилизации воли, иногда на грани возможного. Поэтому религия никогда не является однозначным руководством к действию. В ней заложен широкий спектр позиций (степеней) приверженности. А в современную секулярную эпоху отношение к вере становится еще более разнообразным, вплоть до парадокса, когда жизненные стратегии трансцендентного порядка все чаще при-

нимают не- или даже анти-религиозную форму, но при этом сохраняют религиозные функции.

Необходимость религии обусловлена природой человека, который формирует общество и создает культуру. Универсалии человек, общество, культура задают систему координат, в единстве которых определяется специфика религии.

Кардинальным свойством, отличающим человека от всех остальных существ, является его способность произвольно, опираясь на разум и свободную волю, изменять реальность и вместе с ней себя. Эта способность реализуется в целеполагающей деятельности. Цели человека – результаты осознания им своих потребностей и ориентиры для мобилизации волевых усилий и совершения практических действий. Это значит, что цели содержат в себе свернутые программы действий по их достижению.

Способность удовлетворять потребности через целеполагание меняет мир и самого человека, создает новую реальность. Исходный план или образ этой реальности, как и шаги по его осуществлению, не даны людям в готовом виде, но составляют имплицитную программу их активности, связанную с предназначением

(как коллективным, так и личным), реализуя которое в ходе целеполагающей деятельности, человек раскрывает себя, меняет реальность – создает культуру как способ и результат своего специфического присутствия в мире.

Создание культуры возможно лишь в процессе совместной активности. Объединяя и организуя усилия, взаимно обогащая и коллективно осмысливая опыт, люди вырабатывают не только эффективные программы деятельности, но и системы устойчивых связей между собой, образуют общество. Реальность, которую формирует человек, можно классифицировать как:

- *культурную – в широком смысле этого слова, то есть специфически-человеческую, целесообразно создаваемую;*
- *социальную, то есть реализованную совместными скоординированными усилиями;*
- *социально-культурную, то есть совместно и целенаправленно построенную.*

При всем безбрежном многообразии социально-культурной реальности в ней неизменно воспроизводится ряд устойчивых областей, или сфер: экономика, политика, право, мораль, философия, наука, искусство, религия. Их постоянство означает, что они складываются под давлением неустранимых, сущностных потребностей человека. Экономика отвечает потребности выживания, создавая способы и продукты извлечения ресурсов из окружающей среды, природной и социальной; политика, право, мораль (каждая специфично) отвечают потребности взаимной координации индивидов в условиях коллективного существования и взаимодействия; философия, наука, искусство, религия (каждая – в своей специфике) – потребности самоопределения и самореализации человека сверх его био-психосоциальной данности, или суммы его закономерно актуализуемых задатков (врожденных биологических свойств, развиваемых психологических особенностей, приобретаемых социальных качеств).

Все сферы взаимно пронизывают друг друга. Они имеют разную степень развернутости в социально-культурных системах, но в потенции, как предзаданные программы действия по удовлетворению сущностных потребностей человека, заложены в структуре любых обществ.

Религия возникает в ответ на запросы самоопределения и реализации человеком своего потенциала в перспективе существования, выходящей за пределы данной реальности. Ее индивидуум осваивает в границах либо обитаемого ланд-

шафта (в первобытных обществах), либо постигаемого космического порядка (в архаичных), либо разомкнутой в будущее истории (в новых и современных). Реальность же, лежащая за рамками освоенной, – за-, точнее, бес-предельная, или трансцендентная – не укладывается в масштаб восприятия человека и лишь символически обозначается им при помощи форм, заимствованных из опыта освоения окружающего мира. Так, в первобытных обществах и их религиях она воспринимается как извечная, вездесущая и безличная сила, скрытая во всех существах и объектах, наполняющих ландшафт, в нем самом и в атмосфере над ним. В архаичных – как система извечных управляющих миром сил, воплощенных в образах и функциях божественных персон, подвластных лишь року. В новых и современных – как абсолютная личная воля, творящая мир и человека с его собственной свободной, хоть и несовершенной волей, но способной развиваться.

Итак, в ответ на желание человека состояться в трансцендентной перспективе возникает религия. Поскольку она присутствует в составе всех известных социально-культурных систем, можно заключить, что потребность, которой она отвечает, универсальна, сущностна, в потенциале присуща всем людям. Однако актуализация универсальной потребности происходит не автоматически и в равной мере у всех людей, а зависит от индивидуальной predisposedности и обстоятельств, стимулирующих ее. Обостренное тяготение к трансцендентному смыслу и его воплощению является особым предназначением некоторой части человеческого рода, которая актуализует указанную потребность для всего человечества. Данный процесс заключается в следующем.

В потенциальном состоянии – в виде predisposedности к религии, или имплицитной религиозности, проявляющейся, как правило, в интуитивном интересе к предельным вопросам или в смутной, но настойчивой тоске по трансцендентному смыслу, в острых экзистенциальных кризисах, требующих именно абсолютного, окончательного разрешения, и, наконец, в переворотном акте, или кумулятивном процессе обретения собственной трансцендентной истины либо безусловного принятия чужой. Все эти статусы представляют собой вариации религиозного опыта – состояния, в котором человек обнаруживает себя связанным (безотчетно – в предчувствии, исканиях и кризисе; отчетливо – в ходе радикального

обращения) с реальностью, воспринимаемой им как трансцендентная. Значимость (полнота и подлинность) такой реальности в субъективном восприятии безусловна. Истина о ней (квинтэссенция религиозного опыта) – точка отсчета для перераспределения жизненных усилий между насущными и трансцендентными целями в пользу последних, что и становится началом религии.

Безусловная значимость обретаемой в этом опыте религиозной истины требует закрепления и сохранения ее содержания для реализации в качестве жизненной стратегии. Суть истины закрепляется в системе раскрывающих ее представлений, утверждающих ее сценариев деятельности, культивирующих ее институтов. Система служит программой воссоздания опыта, давшего идею. Истина, как считают последователи, указывает путь, а культивирование опыта гарантирует переход к трансцендентной реальности. Причем, согласно преданиям разных религий, переход актуализуется не только за пределами имманентного существования (посмертно), но и происходит поступательно или спорадически здесь и сейчас (на что указывают истории пророков, мистиков, святых).

Фиксация и системное оформление религиозной идеи означает переход религиозной потребности из потенциального, или имплицитного, состояния в актуальное, эксплицированное. Актуальная религиозность есть отношение к уже сложившейся, объективировавшей религиозную потребность религии и обусловлено прежде всего следованием систематически выраженной и канонически закрепленной в ней истине, проявляющимся в широком спектре позиций – от безусловного принятия ее канона за основу образа жизни до его реформирования (часто ради восстановления, как утверждается, аутентичности истины) или до активного отвержения.

До тех пор, пока религиозная догма и выражающая ее система востребованы, они сохраняются и передаются от поколения к поколению, образуя традицию (*traditio* – передача). Динамика традиции противоречива: живой опыт поиска/восприятия истины спорит с фиксированной, канонизованной системой ее выражения. Дело в том, что любые выразительные средства ограничены культурным багажом той эпохи, в которой они актуализуются. В итоге форма однажды канонизованного опыта со временем перестает соответствовать экзистенциальным запросам новых эпох и их поколений.

(Не) соответствие живого запроса и опыта приобщения к традиции, с одной стороны, и канонизованной формы ее исповедания, с другой, приводит к разнообразию позиций следования ей и, в конечном счете, к ее неизбежной диверсификации. Преодолевая противоречия между динамичным содержанием (опытом) и статичной формой (системой), традиция делится на направления, артикулирующие и формализующие новые версии практического воплощения религиозной истины, становится разветвленной, диверсифицированной содержательно и организационно.

Среда последователей традиции неоднородна из-за разной степени их приверженности. Целиком отдающие свою жизнь осуществлению религиозной истины обеспечивают сохранение традиции и составляют центральную ось преемственности, живую линию передачи. В направлении от центральной оси к периферии традиции следование канонам размывается, образуя градацию позиций разной степени глубины.

Вокруг принявших религиозную истину как жизненный смысл обычно сосредоточены те, кто составляет более или менее плотное тело традиции, то есть в той или иной мере сочувствует ей, по возможности следуя ее истине. Периферию традиции образуют многочисленные представители сформированной ею культурной среды, индифферентные к религиозной истине, но топографически находящиеся в зоне ее влияния. Потенциал сохранения традиции сконцентрирован прежде всего на линии ее передачи, в меньшей степени – в ее теле или поле и частично – на периферии. Впрочем, из поля и периферии могут выдвигаться новые хранители традиции, если она еще достаточно пластична для ассимиляции и оформления их опыта. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белла Р. Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени / Р. Белла. – М., 2019.
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – СПб., 1992.
3. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – Киев, 1997.
4. Олпорт Г. Личность в психологии / Г. Олпорт. – М., СПб., 1998.
5. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М., 1999.